

Как «страшный» учебник стал простым и понятным

Светлана БОРИНСКАЯ, психолог

В воспитании, как известно, нет мелочей. И лучший способ добиться успеха — исключить назидание, жёсткое требование. Прочтите, пожалуйста, эту милую, забавную историю, рассказанную матерью пятиклассника, и подумайте: может, стоит перенять этот простой, но очень действенный способ воспитания, помогающий преодолеть «сопротивление материала»...

...Однажды в Московский университет приехал известный немецкий психолог, профессор Ганс Айзенк. На его лекциях наибольшее впечатление на меня произвёл рассказ о том, как вылечили трёхлетнего Петера, который очень боялся мышей, крыс и кроликов. Как только на глаза ему попадалось какое-нибудь из этих страшных животных, он кричал и пытался поскорее убежать.

Чтобы избавить Петера от страха, его усадили в любимое кресло и дали вкусный полдник. Затем издалека показали маленькую-маленькую мышку. Она была так далеко, а еда была такой вкусной, что Петер не особенно беспокоился. На следующий день мышь поднесли чуть-чуть поближе — настолько, что Петер лишь слегка встревожился. Так же и на следующий день. С каждым днём экспериментатор подносил мышь всё ближе и ближе, но следил за тем, чтоб это не тревожило малыша слишком сильно. Постепенно присутствие зверька стало ассоциироваться у Петера с приятной ситуацией — ему дают вкусные вещи и говорят ласковые слова. И... страх исчез! Мальчик перестал бояться и мышей, и кроликов, мог гладить их и играть с ними.

Воодушевлённая этим примером, я решила попытаться преодолеть страх моего одиннадцатилетнего сына перед геометрией. Кирилл не мог решить ни одной задачи. Он *точно* знал, что математика — это непостижимо сложно и при виде учебника цепенел, как кролик перед удавом. Он даже не мог правильно списать условие задачи — чего тут списывать, всё равно ему не решить...

Сразу после лекции я купила бананы, киви, ананас, большие красные яблоки, апельсины и маленькую кисточку винограда. На этом оставшиеся до зарплаты деньги кончились. Это в Африке бананы — самая дешёвая еда, а у нас в доме они не так часто бывали. Ребёнок прыгал вокруг стола от восторга, не понимая — что это вдруг за праздник? Пока он выбирал, с чего начать, я рассказала ему о приезде учёного, о том, как много было народу на лекции — даже пришлось вынести в коридор репродуктор, и о мальчике, который — смешно сказать! — боялся мышей. В этот момент Кирилл, принявшийся за третий банан, на мгновение задумался.

— Ты хочешь сказать, что теперь будешь показывать мне издалека маленькую-маленькую геометрию? — спросил он, не выпуская из поля зрения гору фруктов. — Ну что ж, если так, — он обречённо вздохнул и потянулся за кружком ананаса, — я согласен.

Фруктовых запасов хватило на три дня. Строго говоря, наш домашний эксперимент нельзя назвать научным. Кирилл (в отличие от Петера) знал цель наших занятий и сознательно согласился читать «страшный» учебник. Он сам решал, когда, для поддержания боевого духа, протянуть руку к подносу со всё уменьшающейся горкой фруктов. Занимались мы по 15–20 минут несколько раз в день — так, чтобы не слишком надоедало. За каждый «подход» к учебнику мы разбирали один приём геометрических построений или выведения следствий из условий задачи. Этот приём Кирилл отработывал на трёх-четырёх примерах. И на двух-трёх бананах. За три дня он научился анализировать содержание задачи и освоил основные способы решения, научился выделять отдельные утверждения. Всё это принял совершенно спокойно. В этом и правда нет ничего сложного! Некоторые задачи оказались настолько просты, что сын с удивлением (раньше, пытаясь решить задачу, он никогда не был уверен, что у него что-то получится), записывал ответ. Прежде ребёнка парализовало именно требование решить

задачу — то есть сделать то, что, по его убеждению, он не сможет. А когда такого требования не стало, это сняло страх перед неудачей.

Анализ условий задачи сопровождался составлением краткой графической или символической схемы. Кирилл и раньше (по заданию учителя) составлял такие схемы, но не для того, чтобы использовать их как инструмент решения задачи, а лишь для того, чтобы выполнить непонятное ему требование. Теперь же довольно быстро он перешёл к решению простых задач в уме, а схемы составлял только для более сложных.

Важным в наших занятиях было и то, что я не ставила ему оценок. Кирилл сам оценивал собственные успехи, и чтобы сделать наши продвижения более явными, я иногда просила его перечислить, чему он научился. Фрукты, которые можно было свободно взять в любую минуту и полакомиться, тоже не служили оценкой или наградой: они были «для вдохновения», просто свидетельством энтузиазма. И этот энтузиазм передался Кириллу. За всё время занятий я ни разу не сказала сыну: «Ты должен» — ведь он сам принял решение научиться решать задачи; я только помогала ему. Наши бананово-геометрические занятия больше походили на игру, чем на серьёзный урок, но это никак не помешало нам одолеть неприступную ранее науку.

...Вспоминаю случай, который произошёл в семье моих друзей. Родители пытались научить шестилетнюю Соню аккуратно есть, ставя ей в пример восьмилетнюю Аню. Но никакие призывы: «Разве так делают! Надо быть внимательнее, надо стараться...» не помогали. Несмотря на Сонины старания, салат всё равно оказывался на платье, кисель — на ушах, а весь стол бы усыпан крошками. Однажды мама Сони и Ани уехала и с девочками на неделю остался папа. Втроём они зашли к нам в гости и увидели, как мы играем. «О! Я придумал, — сказал папа, — мы будем играть в ресторан». Он надел фартук, перекинул через плечо белое полотенце и предложил детям заказать что-нибудь к обеду. Девочки тут же включились в игру. Они составили меню, нарисовали деньги — и важно (как и подобает юным леди в ресторане) прошествовали к столу. «Официант» обсудил с ними достоинства различных блюд, принял заказ и накрыл на стол. Соня не уронила ни одной крошки и ни разу не пронесла ложку мимо рта: ведь в ресторане все едят очень аккуратно! Когда дошла очередь до второго, папа, не выходя из роли официанта, попросил разрешения показать, как пользуются ножом и вилок. Результаты превзошли все ожидания. «Скажи, пожалуйста, — спросила я, когда папа с гордостью рассказал о своих педагогических успехах, — ты играл раньше с детьми?» «Нет, — ответил он, — даже и не думал об этом».

Если бы меня спросили, кто получает больше удовольствия от таких игр — дети или родители, — я бы не смогла ответить. Но знаю: таким способом легко научить ребёнка тому, чему он, по каким-то причинам, не хочет или не может научиться, можно воспитать хорошие качества. Вероятно, это надо иметь в виду и учителю — особенно в начальных классах. И рассказать родителям учеников о наших «воспитательных техниках», подсказанных учёным-психологом.

Москва